

Л.Л. Ивченко

«ПОЗИЦИЯ, ПРИ КОТОРОЙ Я ОСТАНОВИЛСЯ...»

*Не смею, однако ж, скрыть от Вас, Государь,
сколь много предоставил бы я случаю,
доверяя участь войны одному сражению.*

Из письма М.И. Кутузова
императору Францу II
Австрия, 1805 г.

Проблема выбора позиции при Бородине и размещения войск на ней остается спорной, при том что корпус источников, связанных с этой темой, включая картографический материал, довольно обширен. Существует и само поле, ландшафт которого, к сожалению, на наших глазах изменился до неузнаваемости, что уже сейчас сильно затрудняет его топометрическое изучение. Вероятно, главная проблема заключается не столько в количестве и видах источников, сколько в традиции бытования исторических знаний о планах русского командования, которым в той или иной степени отвечал ландшафт при Бородине. На всей отечественной историографии события, как не раз отмечалось, сказался фактор личностного противостояния в среде русского командования, поэтому информация, отраженная в источниках, подчас является вторичной по сравнению с целью их создания¹. Даже компаративистика в этом случае себя не оправдывает: мы сравниваем «синхронию» с более поздними источниками, когда их авторам был известен не только результат Бородинской битвы, но даже результат войны. Из штаба Кутузова вышла оперативная документация («Диспозиция», приказы, рапорты, «Официальные известия»), где не содержалось обдуманых концептуальных версий Бородинской битвы. Эти версии возникли гораздо

позже в сочинениях главных оппонентов Кутузова: в «Оправдательных» письмах («Оправданиях») главнокомандующего 1-й Западной армией генерала от инфантерии М.Б. Барклая де Толли и в «Письмах о войне 1812 года» генерала от кавалерии графа Л.Л. Беннигсена, исполнявшего обязанности начальника Главного штаба при М.И. Кутузове. К тому же двое из главнейших участников битвы – князь П.И. Багратион и сам светлейший князь М.И. Голенищев-Кутузов-Смоленский – ушли из жизни, так и не оставив мемуаров. Почему-то не возникает сомнений в том, что если бы последнему было отпущено еще несколько лет жизни, то именно его нарратив, с учетом европейского признания русского полководца в 1813 г., стал бы «источником №1». Правда, в 1820–1830-х годах пояснения от лица фельдмаршала не всегда удачно пытался делать его любимый ученик генерал К.Ф. Толь, бывший генерал-квартирмейстер Главного штаба соединенных армий.

Здесь действительно есть над чем задуматься. Например, начальник Главного штаба 1-й Западной армии генерал А.П. Ермолов (он же – последовательный сторонник версии Л.Л. Беннигсена), не без злой иронии отмечал в «Записках»: «Рано утром (25 августа. – Л.И.) Кутузов осматривал армию. Не всюду могли проходить большие дрожки, в которых его возили»². Сопатник упрекнул Кутузова в отсутствии «большого усердия», о котором знаменитый теоретик военного искусства К. Клаузевиц упомянул как о чем-то несущественном, да и в принципе несбыточном: «Военачальник вынужден приспособить свою деятельность к пространству, на котором ему предстоит действовать и которое *при самом большом усердии он не сможет ни осмотреть, ни исследовать* (здесь и далее курсив наш. – Л.И.). Постоянная смена событий редко позволяет детально ознакомиться с этим пространством. <...> Эти совершенно необычные трудности должны быть преодолены природным свойством ума, которое определяется таким слишком ограниченным термином, как чувство местности. Это способность быстро и правильно составить геометрическое представление о любой местности... Это просто работа воображения»³. При явном несовпадении мнений участников битвы логичной представляется попытка выяснить, как в те времена вообще «приискивалась» позиция? Для этого обратимся, помимо оперативной документации и мемуаров, к трудам классиков военно-исторической мысли, предшествовавшим эпохе наполеоновских войн, сопутствовавшим ей, и, конечно же, к тем сочинениям, в которых подведен итог «Большой Европейской войны», в первую очередь к сочинениям К. Клаузевица и А. Жomini.

Но прежде всего, вероятно, следует определиться с ответом на вопрос: обладал ли Кутузов «чувством местности», о котором пишет Клаузевиц, когда старался «приспособить свою деятельность к пространству» на Бородинском поле? Кутузов, как известно, был выпускником Инженерно-артиллерийского корпуса, где он специализировался именно на «инженерном» курсе наук: «читать местность» и «располагать атаки» на ней было его профессией, о чем оппоненты могли и не догадываться, что не удивительно. Факты нередко свидетельствуют о парадоксальных, с нашей точки зрения, случаях, когда ближайшие соратники не ведали друг о друге самых простых вещей: где и когда родился их сослуживец, какое получил образование и т.д. Так, по воспоминаниям А.И. Михайловского-Данилевского, «говоря о князе Кутузове, Беннигсен, известный своим хладнокровием, выходил из себя и краснел несколько раз от злости. Вот собственные его слова: “Кутузов одарен был чрезвычайным природным умом, но не имел ни малейшего понятия о военном искусстве... Он был не сведущ в географии...”»⁴. Документы, напротив, свидетельствуют, что в 1761 г. Кутузов закончил кадетский корпус с отличием, а в конце XVIII в. был директором Сухопутного шляхетного корпуса и преподавал военные науки. Один из первых биографов полководца отмечал: «В юношестве своем он приобрел основательные познания в математических и артиллерийских науках, в инженерном деле. <...> Сим наукам посвящал он не только лета юности, но даже и свободные часы от службы своей и в старости, при разнообразных занятиях и важных упражнениях»⁵. Согласно документам XVIII в., Кутузов не раз руководил топографическими работами, а Екатерина II и Павел I использовали его как «резидующего министра» (т.е. временного министра), направляя с дипломатическими поручениями к предполагаемым военным противникам. По дороге генерал оценивал оборонительные возможности ландшафта, состояние фортификационных сооружений и т.п. Так, в 1794 г. он ответственно заверил Екатерину II в неспособности Турции возобновить войну против России; в 1797 г. он вдруг был направлен с краткосрочной миссией в Пруссию, вступившую в союз с Францией, хотя современники отметили, что для дипломата Кутузов имел слишком высокий чин. Впрочем, в этом было мало удивительного. Как заметил современник: «Как может быть хороший дипломат, который не был в то же время хорошим воином? Ведь военные знания нужны ему для исполнения его важнейших функций; отсюда вытекает, что дипломатами следовало бы назначать только хороших солдат...»⁶. Именно Кутузову в 1798 г. Павел I поручил вести переговоры о «демаркации»

границ со Швецией, чтобы обеспечить за Россией выгоды обороны. Следует признать, что в документальных источниках ни у кого из соперников и критиков полководца не запечатлен факт наличия подобного образования и опыта. При Бородине, в силу здоровья и возраста, Кутузову, вероятно, не хватало двигательной активности, но он, при его образовании, не испытывал необходимости «детально знакомиться» с кустами и оврагами, чтобы сообразить, в чем заключались выгоды и недостатки местности, и составить «геометрическое представление» о ней. Ему вполне достаточно было посмотреть на карту и обозреть поле битвы с высокой точки.

Но, думается, главная проблема все же заключалась не в «геометрии». Ни оперативная документация, ни мемуаристика не содержат определенных разъяснений по поводу того, какие соображения влияли на выбор полководцем позиции при Бородине, которые он мысленно «увязывал» с особенностью ландшафта. Один из самых неопределенных сюжетов историографии Бородинского сражения – цель, которую ставил перед собой Кутузов накануне битвы. Ни один из оппонентов Кутузова (включая Наполеона) не выразил сомнений в том, что при Бородине полководец был намерен отстоять Москву, но потерпел неудачу. Ощущение неопределенности возникает из несоответствия этого оптимистического замысла тем силам, которые были у нас в наличии, а также обстоятельствам места и времени. Как справедливо указывал в уже опубликованных к тому времени работах современник Кутузова, австрийский полководец эрцгерцог Карл, считавшийся одним из авторитетных противников Наполеона: «При посредстве тактики выигрывается сражение, дать которое указывает стратегия. Если сражение дается не под влиянием последней, т.е. место и время сражения не являются плодом стратегического расчета, то сражение редко будет иметь последствия, выходящие за пределы минутных выгод»⁷. Можем ли мы утверждать, что «плод стратегического расчета» Кутузова состоял в изменении хода всей кампании посредством выигранного сражения при Бородине? Мог ли он думать, что эта сложная стратегическая задача имеет «однодневное» тактическое решение? Мог ли он в тех обстоятельствах всецело рассчитывать на столь блистательный тактический успех, имея противником Наполеона? Здесь представляется уместным привести суждение К.Ф. Толя: «Сражение бывает иногда решено счастливым и неожиданным маневром, как во времена Фридриха Великого при Праге, Розбахе [Росбахе] и Лейтене или как при Риволи, Аустерлице, Саламанке, достопамятных дней эпохи более близкой. Но случай выиграть таким

образом сражение через внезапное движение, или благодаря удачному вдохновению гения, представляется лишь очень редко»⁸.

На что указывала тогда «большая стратегия»? Современные исследователи основательно считают, что в те времена «для Александра безопасность России и безопасность Европы были неразрывно связаны»⁹. Кутузов также понимал (судя по известным нам высказываниям в 1812 г.), что «русская кампания» была частью затяжного общеввропейского конфликта со многими участниками. В этой ситуации поражение или «невосполнимые потери», понесенные в одном генеральном сражении, даже если «на кону» оказалась судьба Москвы, сразу бы изменили соотношение сил в Европе не в пользу России. Очевидно, отправляясь к армии, полководец обсудил с государем возможные повороты событий. Этот сюжет в нашей историографии почти не отражен, но не мог же он второпях «распростаться» с царем, которому нечего было сказать своему полководцу, как в свое время полагал П.А. Жилин!¹⁰ И.П. Липранди даже считал, что «Главкомандующий мог иметь план, *предначертанный* и основанный на верном расчете, о котором он мог никому не объявлять»¹¹.

Кутузов также сознавал, что его противник уже нарушил «знаменитый принцип римлян: не развязывать двух войн одновременно. <...> Наполеон до определенной степени был единственным монархом, который по своей воле одновременно развязал две и даже три жутких войны – с Испанией, с Англией и с Россией. <...> В последнем случае он ожидал помощи от Австрии и Пруссии, не говоря уже о Турции и Швеции...»¹². В то время как Наполеон пребывал в неведении, Кутузов точно знал, что Турция вышла «из игры», потому что сам заключил с ней «прелиминарный» мир в Бухаресте в мае 1812 г. Он, вероятно, лучше Наполеона был осведомлен и в отношении намерений Швеции. Бывший маршал Империи Ж.Б. Бернадот, став наследным шведским принцем, в переговорах с Россией не скупился, по выражению князя П.И. Багратиона, на «сильные советы». По словам русского историка А.Н. Попова, «в том положении, в котором находилась Россия в отношении к Франции, ей выгоднее было, по мнению Бернадота, затягивать войну на продолжительное время, потому что для нее это было возможно, а для Наполеона решительно невозможно. России не следовало рассчитывать на случайность, и потому необходимо было избегать больших сражений...»¹³. В особенности же их следовало избегать летом, когда у Наполеона, независимо от исхода битвы, оставались все возможности благополучно вернуться в Европу.

Согласно замечаниям знаменитого французского полководца Мориса де Сакса, почитавшегося в России со времен Петра I, «одна кампания уменьшает армию, по меньшей мере, на треть, а иногда наполовину, и... кавалерия к концу октября находится в таком жалком состоянии, что неспособна вести военные действия. <...> Природа бесконечно сильнее человека; почему же этим не воспользоваться?»¹⁴. Кутузов мог также придерживаться точки зрения австрийского фельдмаршала, своего бывшего соратника по русско-турецкой войне 1787–1791 гг. принца Шарля де Линь, который в ответ на замечание: «...в прошедшем году вы выиграли сражение в октябре; а ныне в ноябре», почтительно ответил своему оппоненту: «Лучше разбить неприятеля зимою, нежели самому быть разбиту летом»¹⁵. Заметим, что Морис де Сакс и принц де Линь, рассуждая о превратностях поздней осенней погоды, имели в виду октябрь–ноябрь в Европе! В свете этих высказываний ни один театр военных действий не представлял для Наполеона таких опасностей, как среднерусская полоса. И де Сакс, и де Линь, и Кутузов были последовательными сторонниками «стратегии измора», которая, конечно же, выглядела довольно прозаично на фоне «стратегии сокрушения» и громких наполеоновских побед. Но как заметил накануне Второй мировой войны А.А. Свечин: «Еще ни один военный стратег не дал нам теории стратегии измора. Клаузевиц только подходил к ней. Признание стратегии измора делает условными и все выводы теории военного искусства»¹⁶.

Тем не менее даже Клаузевиц признавал, что накануне Бородинской битвы «Наполеон попал в скверную историю, и обстановка сама собою начала складываться в пользу русских...»¹⁷. В 1799 г. в Европе была опубликована работа Дитриха фон Бюлова «Дух новейшей военной системы», в которой он «ввел в научный оборот учение об операционном базисе»¹⁸. Так, он писал: «Чем дальше продвигаются победители, тем больше они подвергаются опасности быть окруженными и отрезанными от своих магазинов. <...> Если связь с базисом оказывается под угрозой, победители должны сменить попятным движением свое движение вперед и вместо того, чтобы преследовать побежденного противника начать спешное отступление»¹⁹. В эпоху наполеоновских войн, при значительном увеличении численности армий, такие понятия, как «базис» и «операционные линии», все более приобретали решающее значение. То, что Кутузов был в курсе новых военных идей и вполне разделял их, свидетельствуют его слова на военном совете перед битвой при Аустерлице в 1805 г.: «...Чем далее завлечем Наполеона, тем будет он слабее,

отдалится от своих резервов и там, в глубине Галиции, я погребу кости французов»²⁰.

Проблемы, с которыми в России столкнулся Наполеон, для Кутузова были очевидны: они вытекали из известной системы снабжения неприятельских войск за счет «реквизиций», помноженные на протяженность коммуникационной линии («громадную по протяженности и пространству»²¹), на которой оперировали главные силы и русской, и неприятельской армии. Как пишет Доминик Ливен, «несомненно, наступление являлось авантюрой, но Наполеон был азартным игроком»²². Бывший посланник при российском дворе А. Коленкур констатировал: «Он [Наполеон] верил в сражение, потому что это было ему необходимо. Он не сомневался, что русское дворянство принудит Александра просить у него мира, потому что такой результат лежал в основе его расчетов»²³. При Бородине русский Главнокомандующий сознавал, что его сопернику нужен быстрый результат, который был слишком очевиден – занять Москву, что, по аналогии с его прежними военными победами, означало бы конец войны. Ни Наполеон, ни его войска, которым накануне Бородинской битвы он обещал «мир и скорое возвращение в отечество», не были ни морально, ни материально готовы к продолжению боевых действий, особенно в условиях российской непогоды и уже проявившей себя «бескормицы».

В «Общих замечаниях о войне», составленных в 1803 г. (опубликованы в 1806 г.) для австрийских генералов, эрцгерцог Карл писал: «...Важнейшее искусство генерала состоит в следующем: правильно определить момент и пункты, когда и где... решительные удары могут быть нанесены с вероятностью счастливых последствий. Столь *решительный удар возможен лишь при превосходстве в силах в пункте его нанесения*. <...> Это начало должно служить путеводной нитью каждому генералу, как в операции самого крупного масштаба, так и в самом мельчайшем бою, и в наступательной, и в оборонительной войне, при всех возможных обстоятельствах»²⁴. Время «счастливых последствий» в августе 1812 г. еще не наступило. Но как Кутузов мог все это объяснить армии, связывавшей его приезд с долгожданным генеральным сражением, да еще у самых стен Москвы?

Генерал Клаузевиц, рассуждая о принципах ведения войны, писал: «Если генеральное сражение происходит на свой страх и риск, элементы его исхода должны содержаться в нем самом. <...> Отказаться от победы можно не из-за каких-то частных обстоятельств, а только тогда, когда выяснится совершенная недостаточность сил»²⁵. «Недостаточность сил»

выяснилась уже накануне битвы. По последним данным, численность русских войск при Бородине составляла около 150 тыс. человек при 624 орудиях против 135 тыс. Великой армии Наполеона при 587 орудиях. Регулярные силы соединенных армий М.Б. Баркляя де Толли и князя П.И. Багратиона вместе составляли не более 110–115 тыс. В «списочный» состав включено около 9 тыс. иррегулярной конницы – казаков, игравших в полевых сражениях вспомогательную роль, а также более 20 тыс. ополченцев, не только необстрелянных, но и почти безоружных. Поэтому не следует доверяться «оптимизму» цифр в таких сражениях, где «перекрестный огонь артиллерии – единственное соображение стратегии!» Из сведений разведки Кутузов заключал, что неприятель располагает силами в 135–195 тыс. Считая последнюю цифру сильно завышенной, даже в этом случае он понимал, что у нас не было численного превосходства, позволявшего помышлять «о решительном ударе» и наступательных действиях. Переписка Кутузова указывает на то, что спасение Москвы он связывал не только с прибытием сильных резервов, но в особенности с содействием «фланговых» армий А.П. Тормасова и П.В. Чичагова, которые должны были создать угрозу коммуникации противника. Однако сведений о передвижениях этих армий ко дню генерального сражения так и не поступило, впрочем, как и о резервах.

Как отмечал эрцгерцог Карл: «...математическая истина гласит, что нельзя ожидать никакого результата там, где противопоставляются совершенно равные силы. <...> Так как силы изнашиваются при производимом усилии, то их необходимо возмещать, чтобы они могли продолжать работать; отсюда вытекает решительная необходимость постоянно прикрывать свою коммуникационную линию и невозможность ведения сколько-нибудь солидной, длительной операции при отказе от этого положения»²⁶. Таким образом, место и время сражения «являлись плодом стратегического расчета» Кутузова, но вовсе не в смысле защиты Москвы. По словам Толя, было «нетрудно понять, что наступательное движение французской армии могло продолжаться лишь до Москвы, когда сила удара, направленная Наполеоном, безусловно, должна была иметь свой максимум момента... но там же и вся энергия этого удара должна была бы истощиться. Наступление Наполеона за Москву становилось бесцельно»²⁷. Но до Москвы Кутузову (после генерального сражения или без него) следовало еще добраться, сохранив боеспособную армию. По мере приближения к Москве Наполеон стремился навязать сражение любой ценой. В период с 17–24 августа три наших арьергарда – «центральный», «южный» и «северный» – сдерживали

натиск противника, давая возможность русскому командованию выбрать позицию и расположиться на ней. Однако близость арьергардов к главным силам армии не позволила полностью исключить угрозу «вовлечения» в генеральную битву до того, как войска успеют «войти в линию». Нападение неприятеля на русское передовое укрепление Шевардинский редут явилось следствием непрерывного преследования соединенных армий неприятелем, который, по выражению Багратиона, был «неотвязчив». До недавнего времени исследователи, высказывая предположения о назначении Шевардинского редута, не замечали, что упорное «Шевардинское дело» – это не только пролог Бородинского сражения, но и эпилог упорных арьергардных боев между Гжатском и Бородином²⁸.

Накануне Бородина для Кутузова было очевидно, что генеральное сражение не даст ему «настоящей безошибочной центральной операционной линии», откуда потом он сможет с выгодой действовать против неприятеля. «Успех может иметь только армия, владеющая территорией, откуда эти [материальные] средства извлекаются, и путями, по которым они подвозятся»²⁹. Кутузову нужно было принять сражение и уйти от преследования через Москву, потому что только Москва («максимум момента») давала ему возможность оторваться от неприятеля, создав операционный базис в Калужской губернии.

Решимость Кутузова «отдаться на произвол сражения» преследовала и другую, «нематериальную» цель. Сознывая неизбежный исход генерального сражения, Кутузов не мог игнорировать «голос армии», о чем впоследствии писал ближайший сподвижник Кутузова генерал К.Ф. Толь: «Мысль отдать столицу неприятелю без сражения ужасала каждого русского, и потому Главнокомандующий решился остановиться на первой выгодной позиции, чтобы дать сражение неприятелю»³⁰. Н.Н. Муравьев, служивший в 1812 г. по квартирмейстерской части, спустя многие годы, будучи уже генералом, писал: «Победа не могла доставить нам больших выгод. Полагаю, что цель главнокомандующего состояла единственно в том, чтобы подействовать на дух обеих армий и на настроение умов во всей Европе. Кутузов, по-видимому, с сей целью решился с риском дать сражение...»³¹.

Правомерно задаться вопросом, насколько соответствовала позиция при Бородине требованиям военной науки? Нельзя не согласиться с мнением, высказанным еще Фридрихом II Великим: «Любая армия должна располагаться на тех позициях, которые более всего пригодны, исходя из конкретных обстоятельств»³². Решившись дать именно оборонительное сражение,

Кутузов в большей степени, чем Наполеон, зависел от «видов противника». Полководцу, как отмечал А. Жомини, «особенно важно иметь верную оценку характера его противника и его обычного стиля ведения боевых действий – это позволит ему самому приспособить свои собственные действия под такой стиль ведения боя»³³. Намерения Наполеона для Кутузова были ясны: «Бывают случаи, когда тактика может обусловить стратегический успех... например, при намеченном прорыве в каком-нибудь пункте будет усмотрена возможность так разрешить эту задачу, что одновременно будет перехвачен и стратегический путь отступления противника»³⁴.

22 августа русская армия «вступила в лагерь при Бородине». Осмотрев позицию, Кутузов повелел «немедленно приступить к укреплению оной». В рапорте Александру I от 23 августа сообщалось: «Позиция, в которой я остановился при деревне Бородине, в 12-ти верстах вперед Можайска, одна из наилучших, которую только на плоских местах найти можно (курсив наш. – Л.И.). Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством». В этом нас убеждает фраза Кутузова из рапорта Александру от 23 августа, когда полководец все еще ожидал сведений о резервах и помощи со стороны фланговых армий: «Желаю, чтобы неприятель атаковал нас в сей позиции, тогда я имею большую надежду к победе». Барклай де Толли о позиции при Бородине отзывался отрицательно: «Она [позиция] была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось»³⁵. Но Клаузевиц охарактеризовал позицию положительно («трудно было найти лучшую позицию, чем при Бородино»), хотя и сравнил ее с лошадьё, «которая на первый взгляд обещает больше, чем может дать»³⁶. Он рассуждал так: «Если полководец, как то было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение и найти на протяжении двух-трех переходов подходящую местность, то, конечно, ему приходится мириться со многим»³⁷. Клаузевиц также счел нужным отметить: «В сущности, Бородинская позиция была выбрана теми же глазами, которые выбирали все позиции для Баркляя, т.е. глазами полковника Толя...»³⁸. Начальник артиллерии А.И. Кутайсов, со слов принца Евгения Вюртембергского, был убежден, что «и перед самой Москвой мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою»³⁹. От себя принц Евгений добавил: «Мнение Толя я разделял вполне. Оно состояло в том, что только те позиции выгодны, которые благоприятствуют наступательным движениям резервов, и на которых резервы могут быть расположены до тех пор, скрытно. При таких условиях наступающий имеет на своей стороне ту выгоду, что

может выждать, пока объяснятся виды противника»⁴⁰. Вышеупомянутый офицер квартирмейстерской части Н.Н. Муравьев-Карсский вспоминал: «Место, избранное для сражения было довольно удобное»⁴¹. Артиллерист Н. Любенков вообще пришел от позиции в восторг: «Мщение за Отечество было общий обет армии. Светлейший князь Кутузов давно понял его и подарил нас прекрасною позицией...»⁴².

По мнению эрцгерцога Карла, «к наиболее отрицательным позициям относятся главным образом те, у которых оба крыла не имеют достаточной опоры и фланг которых протягивается по равнине, а также позиции, у которых опертым является только одно из крыльев, так как тогда противник может с величайшей выгодой атаковать обнаженное крыло... армии, отбросить ее к опоре другого крыла, будь то река или болото, и этим путем уничтожить ее начисто. <...> Говоря кратко, цель – прикрытие и обеспечение крыльев – должна быть полностью достигнута»⁴³. Сочетание природных и искусственных препятствий почти полностью исключало возможность нападения неприятеля на правом фланге, пересекавшем Новую Смоленскую дорогу. Его протяженность от д. Маслово через д. Горки до центрального редута (батарея Раевского) составляла около пяти верст. Войска, прикрывавшие основную коммуникацию на Москву, располагались на высоком и обрывистом правом берегу р. Колочи. Позиция правого фланга имела и другие неоспоримые достоинства, способствовавшие его устойчивости: его оконечность упиралась в Москву-реку и прикрывалась густыми лесами, сильно всхолмленная местность перерезалась оврагами, по дну которых бежали ручьи Воинка, Стонец, Огник. Здесь был «хороший обзор, позволяющий наблюдать за передвижениями противника». 22–25 августа здесь были возведены все запланированные укрепления. По воспоминаниям Н. Любенкова (17-я артиллерийская бригада), много внимания уделялось размещению артиллерии: «Незабвенный граф Кутайсов, начальствовавший всею артиллериею... накануне еще сражения приехал осматривать к нам линию артиллерии на всей позиции, занимаемой армиею, входил в прения с офицерами о выгодах местоположения для артиллерии, позволял оспаривать себя и следовал за мнениями нашими; ...спрашивал о причинах, заставивших каждого из нас поставить так или иначе свои орудия...»⁴⁴. С прибытием М.И. Кутузова граф А.И. Кутайсов, согласно Расписанию соединенных армий⁴⁵, начальствовал артиллерией обеих армий, однако следует оставить открытым вопрос: мог ли он так же свободно вникать в расположение артиллерии 2-й Западной армии князя Багратиона?

В районе Новой Смоленской дороги находился командный пункт Кутузова, здесь же были сосредоточены главные силы – 70-тысячная 1-я Западная армия Баркляя де Толли. После сражения осуществить движение к Москве Кутузов мог только этим путем, с чем был согласен и Беннигсен: «Когда же мы узнали... какие силы мы могли противопоставить неприятелю, и что у нас уже не было достаточно пехоты... то было принято благоразумное решение отступить в ночь по Можайской дороге, – единственной, которой мы могли воспользоваться в этих критических обстоятельствах»⁴⁶. Особое значение Новой Смоленской дороги отметил и неприятель: «Большая Московская дорога, по которой следовали обе армии, будучи весьма широка, позволяла идти нескольким колоннам различных войск»⁴⁷. Все военные авторитеты в один голос указывали на самую большую опасность, которая может подстергать полководца – «подвергнуть себя опасности оказаться без обеспеченного отступления и в случае неудачи встретить противника на своих сообщениях»⁴⁸. На этот счет Фридрих Великий высказался в свое время со всей определенностью: «Не отходить по трудным дефилям». В противном случае, как предостерегал полководец, «иного выхода не будет у вас, как с позором сложить оружие»⁴⁹. Иными словами, «принципы оборонительной войны большей частью могут быть выведены из таковых наступательной войны»⁵⁰, т.е. сберегать главную коммуникацию.

Вот что писал о выборе «тактических» позиций А. Жomini: «Правила... являются следующими: иметь такие коммуникации с фронтом, чтобы было легче напасть на противника в удобный момент, чем ему приблизиться к боевому расположению; *дать возможность артиллерии использовать всю свою эффективность в обороне*; иметь территорию, пригодную для маскировки передвижений войск между флангами, чтобы они могли сосредоточиться на любом пункте, который считается подходящим; иметь хороший обзор, позволяющий наблюдать за передвижениями противника; *иметь направление беспрепятственного отхода*; *иметь хорошо защищенные фланги (либо естественными, либо искусственными преградами), так чтобы сделать невозможной атаку их краев и вынудить противника атаковать центр или, по крайней мере, какое-либо место по фронту. Это трудновыполнимое условие, потому что, если армия стоит на реке, или в горах, или в густом лесу, а ей приходится отступать... результатом прорванной линии может стать большая беда... армия может быть потеснена назад на те самые преграды, которые казались ей обеспечивающими прекрасную защиту. Эта опасность... наводит на мысль, что места, предусматривающие менее*

замысловатую оборону на поле боя, лучше, чем непреодолимые препятствия»⁵¹. Конечно, отыскать в кратчайший срок позицию между Смоленском и Москвой, соответствующую всем указанным здесь правилам было невозможно, как и реализовать их именно в той последовательности, как они перечислены в труде А. Жомини. Приоритеты зависели от конкретной ситуации на Бородинском поле, через которое проходили две дороги, ведущие к Москве – Новая Смоленская и Старая Смоленская.

Впрочем, последующие события позволили внести в этот принцип существенные коррективы: войска на правом фланге располагались совершенно открыто, демонстрируя свою многочисленность. Местность же на левом фланге позволяла не столько скрывать резервы, сколько маскировать их отсутствие. Эти обстоятельства, действительно, позволяли «выждать, пока объяснятся виды противника» и даже влиять на них. По словам французского генерала Ж.Ж. Пеле-Клозо, русские войска на правом фланге «ежеминутно могли перейти в наступление, обрушиться на какую-либо часть нашего фронта, направить превосходную кавалерию или тучу казаков на нашу линию отступления»⁵². Сочинение Пеле даже навело Липранди на мысль, что Кутузов пытался создать у неприятеля видимость угрозы перехода в наступление на нашем правом фланге.

Но позиция при Бородине имела и другие достоинства, представляя, с точки зрения Жомини, «трудновыполнимое условие»: *вынудить противника атаковать центр или, по крайней мере, какое-либо место по фронту*. Так, Клаузевиц вспоминал: «Положение в целом слишком привлекало французов к левому флангу...»⁵³. Сведения об этом участке русской позиции, обреченном принять главный удар неприятеля, весьма противоречивы. Сам Главнокомандующий в рапорте от 23 августа доносил государю, что «слабое место сей позиции» находилось на левом фланге, но он не распространял определение «слабый» на весь левый фланг, выделяя лишь его часть. Прочности обороны д. Семеновское в описаниях битвы обычно не уделялось особого внимания. Трудно точно определить тип укреплений и сколько их было возведено за оврагом; самое большое из них, на 24 орудия, по воспоминаниям Э.Ф. Сен-При, находилось на северной окраине Семеновского, на высоте, господствовавшей над местностью. Совершенно очевидно, что у русского командования в день битвы изначально не существовало четкого определения, где находится граница между левым и правым флангом. Так, ни один специалист сейчас не усомнится в том, что батарея Раевского составляла центр русской позиции, однако в день битвы эта центральная

высота до тех пор, пока ее обороняли войска армии Багратиона, входила в понятие левого фланга. Именно туда включил батарею Раевского И.Ф. Паскевич: «От деревни Семеновской до главной батареи протянулся 7-й пехотный корпус, в первой линии которого состояла моя 26-я дивизия. <...> Все левое крыло состояло из 2-й армии и находилось под начальством кн. Багратиона»⁵⁴. Подробности о позиции левого фланга сообщает офицер «пионерных» войск Д. Богданов, где связаны воедино оборона Горок, Семеновского и батареи Раевского: «Правый фас ее шел под выстрелы двух батарей у деревни Горки и артиллерии 6-го корпуса, а левый падал к фронту 7-го корпуса, обстреливался его орудиями и с открытой батареей в 60-т орудий, поставленных у деревни Семеновской»⁵⁵. Естественные возвышенности и полевые укрепления использовались с таким расчетом, чтобы обеспечить интенсивный перекрестный обстрел. Местность давала возможность сосредоточить значительное число орудий, ввопившихся в дело без сооружения укреплений, как тогда говорили, «на откате», т. е. были приняты меры для того, чтобы *«дать возможность артиллерии использовать всю свою эффективность в обороне»*. Судя по описаниям битвы, огневой рубеж на правом берегу Семеновского оврага был создан значительный. «Фронт позиций, особенно на левом фланге, защищен был сильными батареями»⁵⁶, – свидетельствовал И.Ф. Паскевич. Следовательно, утверждение о чрезмерной слабости всего левого фланга было бы преувеличением.

Жомини рассуждал о преимуществах обороны в подобных случаях: «Сторона, наступающая на противника, проявляет перед ним все недостатки своего положения, возникающие от сложностей местности, которую она должна пройти прежде, чем достигнет фронта неприятеля. И даже, если это будет равнинная местность, всегда встречаются такие неровности рельефа, как овраги... К этим естественным препятствиям могут быть также добавлены вражеские батареи, огонь которых приходится выносить. <...> В тактических операциях преимущество в результате взятия инициативы в свои руки балансирует на грани с недостатками»⁵⁷. К этому важно присовокупить мнение генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, руководившего обороной этого участка русской позиции: «Противу французов слишком крепкие позиции невыгодны, а лутше располагаться на равнинах и открытых местах, лишь бы фланги были обеспечены... но фронт позиции должен быть сколько можно открытее, и для того надлежит разбирать все изгороди и плетни впереди находящиеся, и выжечь или скосить хлеб на немалое расстояние»⁵⁸.

Нельзя не заметить, что со временем представления о преимуществах и недостатках Бородинской позиции в отечественной историографии сильно изменились. Так, Н.А. Троицкий писал: «Слабость русской позиции заключалась, прежде всего, в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального удара». Но генерал Коновницын считал, что «фронт позиции должен быть сколько можно открытее!» И Кутузов связывал уязвимость левого крыла не с «фронтальным ударом», а с угрозой обхода фланга: «Но ежели он [неприятель], найдя мою позицию крепкою, маневрировать станет по другим дорогам, ведущим к Москве, тогда не ручаясь, что может быть должен итти и стать позади Можайска, где все сии дороги сходятся...»⁵⁹. Он предупредил императора о весьма вероятном отступлении вопреки надеждам на столь ожидаемое всеми сражение. Об этом заброшенном к началу XIX в. тракте писал и бывший квартирмейстер 6-го пехотного корпуса И.П. Липранди: «...Неприятель, форсируя по Старой Смоленской дороге через Утицу, мог придти в Можайск и чрезвычайно затруднить наше положение»⁶⁰. Начальник штаба 2-й Западной армии граф Э.Ф. де Сен-При по этому поводу сделал запись в дневнике: «Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и затем лесами мог подойти на близкий пушечный выстрел к Семеновке. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести перед ней несколько флешей»⁶¹.

Эти укрепления, Семеновских, или Багратионовых флешей, и служили для связи с войсками на Старой Смоленской дороге, прикрывая левый фланг на случай обхода со стороны Утицкого леса и являясь составной частью в системе оборонительных укреплений у д. Семеновское. «Ни одно из этих укреплений не могло выдержать серьезного штурма», – резюмировал все претензии к флешам Клаузевиц. Но он же отметил, что эти «укрепления внесли свою долю в сильное и мужественное сопротивление, оказанное русскими»⁶². Об укреплениях левого фланга упоминает в своем последнем приказе №128 от 25 августа 1812 г. князь Багратион: «Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и пехотным»⁶³. Это означало, что защита полутораверстового участка позиции обеспечивалась высокой плотностью боевых порядков пехоты и кавалерии при значительном сосредоточении артиллерии. Это вовсе не означало, что Наполеон прибегнул в битве к более изощренным тактическим приемам. Д. Чандлер определил их как «стратегически примитивные и расточительные». «Если Наполеон сохранил эту простоту замысла, – рассуждал Клаузевиц, – то

это доказывает, что он высоко расценивал ожидаемое сопротивление». То есть и Наполеон, отдав предпочтение фронтальным атакам, также не пожелал «оторваться» от Новой Смоленской дороги, близости от которой в районе Шевардинского редута он удерживал свой резерв – гвардию. Можно даже сказать, что для Кутузова, в отсутствии резервов, Новая Смоленская дорога была таким же «якорем спасения», как для Наполеона «за 800 лье от Парижа» его гвардия. Наполеон окончательно отказался от флангового обхода значительными силами, «у него было так мало времени, что он отбросил все тонкие решения»⁶⁴.

Кутузова упрекали в том, что 24 августа необходимая перемена фронта на левом крыле совершалась «перед лицом неприятеля» во время сражения при Шевардине. Вопреки критическим замечаниям Беннигсена, Барклая де Толли и Ермолова, в этом неопределенном расположении на местности 2-й армии князя Багратиона опять же не было ничего из ряда вон выходящего с точки зрения военной науки. Приведем мнение А. Жомини: «Я делаю различия между *боевыми расположениями* и *боевыми порядками* – понятиями, которые все время путают. <...> *Боевое расположение* особенно подходит для расстановки войск в обороне, потому что армия, ожидающая атаки, не зная, какой она будет и где с необходимостью надо организовать довольно неопределенное и не выделяющееся в качестве объекта боевое расположение. <...> *Боевой порядок*... больше характерен для наступательных диспозиций»⁶⁵. Только 26 августа выяснилось, что Наполеон избрал «наиболее осторожную, наименее рискованную, но и в то же время и менее решающую» форму боя – фронтальный удар, вместо попытки обойти русскую позицию значительными силами с фланга⁶⁶. Русское командование не могло предвидеть этого заранее, войска 2-й Западной армии, в ожидании арьергарда, занимали «боевое расположение» так, как будто опасались обхода со стороны опасной для них Старой Смоленской дороги. И основания для этих опасений были! Согласно исследованиям А.А. Смирнова, самый длинный фас Шевардинского укрепления – «60 шагов в длину» был обращен в сторону д. Доронино, т. е. к «Старой Смолянке»; А.В. Геруа указывал, что в том же направлении – к лесу – была развернута южная флешь.

По словам Жомини, русское командование, бесспорно, учитывало «глубокое построение, которым так злоупотреблял Наполеон»⁶⁷. Оно сознавало, что отсутствие естественных препятствий и недостаток инженерных сооружений придется возмещать за счет плотности боевых порядков на сравнительно узком участке позиции. К. Клаузевиц

с полным основанием отмечал в своем сочинении: «Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других пунктов и, следовательно, так же играли роль резервов, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспремерном по тесноте и глубине боевом построении. Столь же тесно, а следовательно, примерно так же глубоко построилась и французская армия; если ее охватывающий фронт был несколько длиннее русского, то это с лихвою покрывалось большим числом ее бойцов... Этим же объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняются и огромные потери людьми»⁶⁸. Кстати, принято считать, что войска 2-го и 4-го пехотных корпусов подоспели к месту боя лишь около 12.00, но глубокие исследования боевых действий на Старой Смоленской дороге позволяют усомниться в этой «полуденной версии»⁶⁹. Когда Ней направил против войск генерал-лейтенанта Тучкова 1-го в Утицкий лес 23-ю пехотную дивизию 8-го корпуса, то около 10.00 вестфальцы натолкнулись в лесу на части... 2-го пехотного корпуса генерал-лейтенанта К.Ф. Багговута. Но это означает, что Рязанский и Брестский пехотные полки из корпуса Багговута прибыли с крайней правой точки русской позиции в крайнюю левую точку задолго до полудня! Следовательно, если войска 2-го и 4-го корпусов и запаздывали с правого фланга, то отнюдь не на три часа...

Кстати, на аналогию с Бородинской битвой наводят соображения, высказанные в свое время все тем же Фридрихом Великим: «Весьма полезно упомянуть об изогнутом батальном порядке: ведь одно крыло отводится от неприятеля и подкрепляет то, которое атаковать должно. Таким образом, вся ваша сила удара направлена на одно неприятельское крыло»⁷⁰. Изжил ли себя Фридрих II в эпоху наполеоновских войн? Как тактик, вероятно, да, но как стратег? «Истинные правила ведения войны – это те, которыми руководствовались семь великих полководцев, подвиги коих сохранила для нас история: Александр, Ганнибал, Цезарь, Густав Адольф, Тюренн, принц Евгений и Фридрих Великий»⁷¹, – напишет впоследствии Наполеон. Русская армия 26 августа действительно сражалась с «отведенным» правым крылом.

Думается, что самый важный вопрос, на который утром 26 августа для Кутузова все еще не существовало ответа, заключался в том, что «на слух» предугадать было невозможно: как неприятель сгруппирует свои силы в атаке нашего левого фланга? что произойдет на левом

фланге – обходной маневр или сильное нападение с фронта? или и то, и другое? И.П. Липранди вспоминал: «Некоторые... находят, что позиция наша при Бородине была слишком растянута; что правый фланг ее должен был начинаться от Горок ... В свое время никто и не думал, что неприятель атакует наш правый фланг; все знали, что Наполеон великий мастер своего дела, чтобы придумать такую нелепость... Трудно допустить себя думать, чтобы Кутузов имел в виду на неприступном нашем правом фланге поставить 22-го августа и оставлять до утра 26-го четыре корпуса и Платова с казаками в том предположении, что неприятель изберет этот фланг для главного своего напора»⁷². Барклай де Толли убеждал Кутузова «при наступлении темноты, исполнить с армией движение так, чтобы правый фланг 1-й армии отступил на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус», т.е. на Старой Смоленской дороге. Барклай почти ручался за успех, от которого по необъяснимым причинам отказался Кутузов. Но полководец основательно опасался обходного маневра. В его планы не входило, спасая Москву, сражаться до последнего солдата и защищать Старую Смоленскую дорогу. Увести главные силы армии он мог только по Новой Смоленской дороге, где он их и держал, пока не выяснились «виды противника». У неприятеля могло оказаться не 135, а 165–195 тыс. войск, как докладывала разведка. Следовательно, Кутузов, ожидая удара на левом фланге, мог предполагать, что, атаковав с фронта, неприятель одновременно мог выделить «сильный корпус» для обхода с фланга («не 10 тысяч, а 50», как рассуждал об этом Клаузевиц), да и сам обход мог быть более глубоким. Перед битвой никто не давал нам гарантий в успехе. Линия обороны войск Барклая могла быть прорвана; данные о численном перевесе противника не позволяли Кутузову исключить и такую возможность. Кутузов не мог не видеть, что условия местности в районе батареи Раевского и д. Семеновское этому способствуют. Прорвав фронт у Семеновского, неприятель мог выйти в тыл и отрезать армию Багратиона от армии Барклая, и обе они оказались бы отрезанными от Новой Смоленской дороги.

К 17.00 русские войска, уступив неприятелю на левом фланге около 1,5 верст, до наступления темноты продолжали стойко удерживать оборону по линии Горки – Псарёво – Утицкий лес. Ожесточенные бои за опорные пункты русской позиции – Семеновские флеши, д. Семеновское, батарею Раевского остановили наступательный порыв неприятельских войск. Позиция, избранная при с. Бородине, позволила русскому командованию в лице Кутузова избежать самого худшего из возможных

сценариев и поставить под сомнение успех его противника хотя бы потому, что, по словам К. Клаузевица, «преследование разбитой армии начинается в тот момент, когда эта армия, прекращая бой, оставляет свои позиции; все остальные передвижения в том или другом направлении относятся к ходу самой битвы (т.е. захват с. Бородина, захват флешей, захват Семеновского, захват батареи Раевского. – *Л.И.*). Обычно победа в такой момент, даже если она несомненна, все же невелика и слаба по своим размерам и не может считаться сколько-нибудь значительным событием, если не завершена в первый же день преследованием»⁷³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ивченко Л.Л.* Бородинское сражение: История рус. версии событий. 3-е изд. М., 2017. С. 345.

² *Ермолов А.П.* Записки А.П. Ермолова, 1798–1826. М., 1991. С. 186.

³ *Клаузевиц К.* Принципы ведения войны. М., 2009. С. 21.

⁴ Записки А.И. Михайловского-Данилевского, 1829 год // Рус. старина. 1893. Т. 79. С. 193.

⁵ Картина жизни, военных и политических деяний его светлости князя Михаила Ларионовича Голенищева-Кутузова-Смоленского. М., 1813. С. 13.

⁶ *Бюлов Д., фон.* О политике и стратегии // Германская военная мысль. М., 2012. С. 67.

⁷ *Эрцгерцог Карл Габсбург.* Основы стратегии // Германская военная мысль. С. 109.

⁸ *Толь К.Ф.* Критика сочинения: Описание Отечеств. войны по Высочайшему повелению, соч. [иненную] Генерал-Лейтенантом Михайловским-Данилевским // Генерал-квартирмейстер К.Ф. Толь в 1812 году. Б.м., 1912. С. 169–170.

⁹ *Ливен Д.* Право одержать победу // Родина. № 6. 2012. С. 26.

¹⁰ *Жилин П.А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 132.

¹¹ *Липранди И.П.* Замечания на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // *Харкевич В.И.* 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников: Материалы Военно-ученого архива Главного штаба. Вильно, 1900–1907. Вып. 2. С. 17–18.

¹² *Жомини А.* Стратегия и тактика в военном искусстве. М., 2009. С. 34.

¹³ Цит по: *Попов А.Н.* Отечественная война 1812 года. М., 2008. Т. 1. С. 206–207.

¹⁴ *Мориц Саксонский.* Теория военного искусства. М., 2009. С. 97.

¹⁵ *Линь, де.* Избранные философические, политические и военные творения. М., 1810. Т. 5. С. V–XIV.

¹⁶ *Свечин А.А.* Предисловие // Германская военная мысль. С. 9.

- ¹⁷ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 64.
- ¹⁸ Бюлов Д., фон. [Предисловие] // Германская военная мысль. С. 19.
- ¹⁹ Он же. Дух новейшей военной системы // Германская военная мысль. С. 64.
- ²⁰ Бутровский И. Фельдмаршал Кутузов. СПб., 1858. С. 52.
- ²¹ Толь К.Ф. Указ. соч. С. 195.
- ²² Ливен Д. Россия против Наполеона: борьба за Европу, 1807–1814. М., 2012. С. 242.
- ²³ Коленкур А. Мемуары: Поход Наполеона в Россию. Смоленск, 1991. С. 99.
- ²⁴ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства // Германская военная мысль. 80–81.
- ²⁵ Клаузевиц К. Принципы ведения войны. С. 89.
- ²⁶ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства. С. 97.
- ²⁷ Толь К.Ф. Указ. соч. С. 196–197.
- ²⁸ Ивченко Л.Л. «Адское дело при Шевардине»: причины и следствия // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XX Междунар. науч. конф., 5–7 сентября 2016 г. Бородино, 2017. С. 225–246; Попов А.И. «Забытые сражения»: отступление рус. соединенных армий от Днепра до Бородино. М., 2016.
- ²⁹ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы стратегии. С. 101.
- ³⁰ Толь К.Ф. Описание битвы при селе Бородине 24–26 августа 1812 года... СПб., 1839. С. 48–49.
- ³¹ Муравьев-Карсский Н. Собственные записки, 1811–1816. М., 2015. С. 148.
- ³² Фридрих Великий. Его Величества Короля прусского наставление о военном искусстве к своим генералам: Избранное // Наставление о военном искусстве к своим генералам: Анти-Макиавелли. М., 2014. С. 21.
- ³³ Жomini А. Указ. соч. С. 216.
- ³⁴ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства. С. 109.
- ³⁵ Барклай де Толли М.Б. Изображение военных действий 1-й Западной армии в 1812 году // Тр. ИРВИО. СПб., 1912. Т. VI, кн. 2. С. 42–43.
- ³⁶ Клаузевиц К. 1812 год. С. 68.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 63, 65.
- ³⁹ Вюртембергский Евг. Воспоминания о кампании 1812 года в России // Воен. журн. СПб., 1848. № 1. С. 53.
- ⁴⁰ Там же. С. 50.
- ⁴¹ Муравьев-Карсский Н. Указ. соч. С. 148.
- ⁴² Любенков Н. Рассказ артиллериста о деле Бородинском // Отечественная война 1812 года глазами современников. М., 2012. С. 71.
- ⁴³ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства. С. 88.

- ⁴⁴ Любенков Н. Указ. соч. С. 73.
- ⁴⁵ Васильев А.А., Елисеев А.А. Русские соединенные армии при Бородине: состав войск и их численность. М., 1997.
- ⁴⁶ Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 года // Рус. старина. 1909. Т. 9. С. 499.
- ⁴⁷ Пеле Ж.Ж. Московская битва // Бородино в воспоминаниях современников. СПб., 2001. С. 64.
- ⁴⁸ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства. С. 90.
- ⁴⁹ Фридрих Великий. Указ. соч. С. 26.
- ⁵⁰ Эрцгерцог Карл Габсбург. Основы высшего военного искусства. С. 83.
- ⁵¹ Жomini А. Указ. соч. С. 189.
- ⁵² Пеле Ж.Ж. Указ. соч. С. 67.
- ⁵³ Клаузевиц К. 1812 год. С. 68.
- ⁵⁴ Паскевич И.Ф. Походные записки. [1837–1838 гг.] // 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 100–101.
- ⁵⁵ Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 338.
- ⁵⁶ Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 101.
- ⁵⁷ Жomini А. Указ. соч. С. 192.
- ⁵⁸ Из записных книжек П.П. Коновницына // Иванов Е.П. Генерал Петр Петрович Коновницын. Псков, 2002. С. 197.
- ⁵⁹ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 74.
- ⁶⁰ Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года: Собр. статей. СПб., 1867. С. 178–179.
- ⁶¹ Сен-При Э.Ф. Дневник // Харкевич В.И. Указ. соч. С. 150.
- ⁶² Клаузевиц К. 1812 год. С. 69.
- ⁶³ Бородино: Документы, письма, воспоминания. С. 91.
- ⁶⁴ Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. М., 2000. С. 489.
- ⁶⁵ Жomini А. Указ. соч. С. 187.
- ⁶⁶ Чандлер Д. Указ. соч. С. 489.
- ⁶⁷ Жomini А. Указ. соч. С. 47.
- ⁶⁸ Клаузевиц К. 1812 год. С. 69–70.
- ⁶⁹ Попов А.И. Действие вестфальцев в Бородинском сражении // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы III науч. конф. (Бородино, 1994). Бородино, 1995. С. 78.
- ⁷⁰ Фридрих Великий. Указ. соч. С. 40.
- ⁷¹ Наполеон Бонапарт. Искусство войны: императорские максимы. М., 2009. С. 384.
- ⁷² Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. С. 178–179.
- ⁷³ Клаузевиц К. Принципы ведения войны. С. 94.